
ПОНИМАТЬ, А НЕ ФАЛЬСИФИЦИРОВАТЬ ИСТОРИЮ. (К вопросу о сталинском тоталитаризме)

Борис Славин

*Славин Борис Федорович – д.ф.н.,
профессор Московского педагогическо-
го государственного университета,
Горбачев-Фонд*

Спиноза говорил: «Не надо плакать, не надо смеяться, а надо понимать». Этот призыв великого философа можно непосредственно отнести к отечественной истории, без понимания которой

невозможно подлинное просвещение и воспитание новых поколений. Особенно необходим такой подход к советскому периоду этой истории, вокруг которого идет незабываемая идеологическая борьба. Новым подтверждением такой борьбы стал документ ОБСЕ под названием «Резолюция воссоединения разделенной Европы, поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в 21 веке». В этом документе фактически на одну доску поставлена фашистская Германия, развязавшая Вторую мировую войну и Советский союз, одержавший победу над фашизмом, сделавший все от него возможное, чтобы спасти от него Европу и мир.

Этой же цели служит и стремление авторов данного документа объявить 23 августа 1939 года, т.е. день подписания пакта «Риббентроп-Молотов», общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. При этом характерно, что не дата Мюнхенского договора, подтолкнувшего Гитлера к развязыванию Второй мировой войны, не время зарождения или наиболее массовых репрессий в Германии и СССР, а именно время подписания пакта «Риббентроп-Молотов», принципиальная оценка которого была дана Вторым съездом народных депутатов СССР в 1989 году. Как известно, ее суть состоит в том, что содержащееся в секретном протоколе к пакту разграничение сфер интересов СССР и Германии находилось «с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран». (См.: Второй съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. 4. М., 1990).

Какая же идеология лежит в основе вышеназванной резолюции и соответствующих предложений ОБСЕ? Думаю, это идеология, возникшая во времена «холодной войны». Она, на наш взгляд, не только закрывает вход в объективное понимание советской и мировой истории, но порождает новый виток идеологической и международной напряженности уже в XXI столетии. Методологической основой такой идеологии служит отождествление реальной истории отдельных стран с понятием «тоталитаризм». При этом хочется подчеркнуть, если на Западе понятие «тоталитаризм» используется достаточно ограниченно, только для характеристики фашистских режимов Муссолини, Франко, Гитлера и др., то применительно к СССР оно распростра-

няется не только на политический режим Сталина, что можно понять, но на всю советскую историю, начиная с Октябрьской революции и кончая перестройкой.

С такой явно антинаучной позицией и методологией невозможно согласиться, ибо она, приводит к полному искажению новейшей отечественной истории, порождая ненужную идеологизацию и фальсификацию ее отдельных явлений и фактов в исторических исследованиях, соответствующих учебниках и учебных пособиях по истории. Здесь достаточно сослаться на нигилистическую оценку советской истории небызывестной представительницы радикального либерализма Валерии Новодворской, которая считает, что «Россия должна понять, что ее история - это история болезни и преступления». (Цит. по В. Авченко. Тоталитарная демократия Валерии Новодворской. М.: 2001 – Интернетверсия статьи). Близкой к этой точке зрения являются утверждения о том, что Россия в советские времена «провалилась», «выпала из мировой цивилизации». И лишь к концу XX века Россия стала постепенно в нее возвращаться. (См.: В. Данилов-Данильян. Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах М.: 2007/2008, с. 135-140).

Однако, наиболее типичной трактовкой советской, в частности, политической истории, разделяемой многими российскими историками и философами, является концепция традиционной «самодержавной» культуры российской власти. Так, известный историк, академик РАН Ю. Пивоваров в одной из своих лекций говорил: «Посмотрим, какой была политическая культура России в последние столетия? – Я бы назвал ее самодержавной. Основной ее признак – властечентричность. То есть я исхожу из того, что русская политическая культура властечентрична». (См.: Пивоваров Ю. Политическая культура России: традиция и современность. Лекция 18. Интернетверсия). В рамках этой концепции советская идеология, сталинский и брежневский режимы, наличие правящей партии и т.д. есть лишь историческая модификация соответствующих характеристик дореволюционной Российской империи с ее господствующим православием, самовластием царя, иерархией чиновников и т.д.

Скажу сразу, что не разделяю перечисленные выше точки зрения и концепции. В реальной советской истории было все гораздо сложнее и противоречивее, чем полагают ее современные интерпретаторы. Я убежден, что в 1917 году традиционная политическая система единовластия («самодержавия») была сломлена, причем сломлена снизу, и это проявилось не только в ликвидации монархии, но и в устранении социально-экономических основ старого общества. И осуществили это рабочие, солдаты и крестьяне в ходе Февральской и Октябрьской революций. Они совершили, по сути дела, самую радикальную в истории социальную революцию, и они же установили созданную снизу Советскую власть, выражающую их интересы, т.е. интересы абсолютного большинства российского общества. Так началась советская история, имевшая свои качественно различные периоды развития, свои достижения и ошибки, свои победы и поражения.

В свое время известный итальянский марксист Антонио Грамши писал о том, что историческое развитие «не игра по правилам», а реальная диалектика и реальная борьба различных социальных сил в обществе. В российском обществе эта борьба шла в ходе Октябрьской революции и продолжалась после нее. Мало того, на первых порах она обрела острую форму гражданской войны, которая была следствием нежелания прежних правящих классов лишиться своего господства, с одной стороны, и неудачей левых сил создать единое коалиционное правительство, с другой. Однако и после гражданской войны в стране продолжали отстаиваться различные социальные интересы и действовать противоположные социальные тенденции. На мой взгляд, таких тенденций, в основном, было две: демократическая и антидемократическая.

Демократическая тенденция выражала интересы рабочего класса и других трудящихся классов, прежде всего, многочисленного крестьянства. Эта тенденция проявлялась тогда, когда улучшалась жизнь народа, когда становилось больше свободы и справедливости. Я ее связываю, прежде всего, с ленинским пониманием положения дел в стране, с необходимостью перехода в отсталой стране к политике НЭПа, с планами радикальной демократизации политической системы, выраженных в его последних работах. По сути дела, эта была ленинская стратегия построения социалистического общества в СССР.

Другая тенденция - антидемократическая, бюрократическая, тоталитарная базировалась на выражении интересов тех слоев общества, которые устали от революции и войны. Это были, прежде всего, интересы, запросы и потребности советской бюрократии, маргинальной части рабочего класса и крестьянства, конформистской интеллигенции. И. Сталин стал их официальным рупором. Бюрократическая тенденция, как правило, сковывала и подмораживала Россию, она превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство.

По сути дела, в борьбе этих двух социально противоположных тенденций и осуществлялась советская история, которая еще ждет своего глубоко и объективного освещения.

Любому объективному исследователю советской истории всегда было ясно, что Ленин и Сталин были антиподами в политике и жизни, поэтому их часто встречающееся отождествление является, на мой взгляд, прямой фальсификацией исторической науки. Дело в том, что Ленин расходился со Сталиным по многим принципиальным вопросам политики. В частности, они совершенно по разному понимали национальный вопрос и способ образования СССР, проблему реформирования политической системы, реорганизацию Рабкрин, вопросы, связанные с монополией внешней торговли и т.д. К сожалению, отождествление Ленина и Сталина допускают не только рядовые историки, но и некоторые именитые академики и публицисты, доказывающие, что Сталин лишь исполнял то, что завещал Ленин. На мой взгляд, подобные утверждения, не имея под собой никакой научной почвы, воспроизводят старую ста-

линскую теорию о тождестве двух вождей, гласящую, что «Сталин – это Ленин сегодня», а «Ленин – это Сталин вчера». В частности, об этом открыто писал и бывший диссидент - антисталинист Александр Зиновьев: «...Я пришел к тому же с чего начал, а именно к рассмотрению ленинизма и сталинизма как единого явления. Сталин действительно был «Ленин сегодня». (См.: А.Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: 2000, с.304-305).

В этой связи закономерен вопрос: кому выгодно сегодня реанимация подобной теории? Думаю, она нужна не только сталинистам, но и тем, кому хочется во чтобы-то ни стало окончательно дискредитировать советскую власть, воплощением которой в нашей истории, конечно, являлся Ленин, а не Сталин. В этой связи, следует напомнить, что первый вошел в советскую историю как творец Октябрьской революции и основатель первого в мире Советского государства, второй, как создатель тоталитарного режима власти и личной диктатуры.

Однако эта, казалась, простая истина до сих пор с трудом утверждается в научном сознании. Мешает господствующая концепция «тоталитарной природы» советской власти и ее истории, утвердившаяся среди отдельных историков. (См.: соответствующие работы Д. Волкогонова, А. Яковлева, С. Кулешова, М. Геллера, Р. Пихоя и др. Анализ их можно прочитать в книге Маслов Д.В. Историографические и методологические основы исследования состояния советской системы. Сергиев Посад, 2004.). На мой взгляд, эта концепция является зеркальным отражением сталинской интерпретации советской истории, только в ней плюсы заменены на минусы. Суть ее проста: советская история есть ничто иное, как история тоталитарного режима советской власти. С этой позиции тоталитаризм в России возникает в Октябре 1917 года и существует до начала 1990-х годов XX века. (См.: 1937-й. Статьи и документы. М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2007, с. 4). В рамках этой концепции даже аргументы периода «хрущевской десталинизации» считаются «половинчатыми». (См.: выступление одного из руководителей «Мемориала» А. Рогинского на международной конференции «История сталинизма. Итоги и проблемы изучения» 5-7 декабря 2008 г.).

На мой взгляд, здесь мы имеем дело с политически ангажированной, а не научной точкой зрения. Цель подобной трактовки отечественной истории понятна: использовать концепцию тоталитаризма в качестве идеологического рычага, разрушающего объективные представления об истории советского общества и современной России, стремящейся преодолеть негативные последствия ельцинских либеральных реформ. Для многих либеральных идеологов новая Россия, напоминающая по своему влиянию и историческому значению Советский Союз, не нужна в раскладе мировых политических сил.

Что же касается тоталитаризма сталинской эпохи, то он, конечно, существовал в стране более двадцати лет. Тем не менее, рассматривать всю советскую историю как его непрерывное становление и утверждение, на мой взгляд, методологически оши-

бочно. Это значит абстрагироваться от реальных противоречий и борьбы различных социальных и политических сил, имевших место в сложной и длительной истории советского общества.

Особенно неплодотворен такой подход в исторической науке, ибо ведет не к изучению реальных фактов общественной жизни, а к их подгонке под заранее заданную идеологическую схему. Такая подгонка и есть губительная идеологизация советской истории. Отметим, в этой связи, что известные американские историки Роберт Такер и Стив Козн, специализирующиеся на изучении деятельности И. Сталина и Н. Бухарина, также считают концепцию тоталитаризма сугубо идеологизированным и малоэффективным средством исторического познания. Так, Стивен Козн в своей книге «Переосмысливая советский опыт» говорит, что методологической основой «тоталитарной школы» является «идея непрерывности», то есть представление советской истории как сплошного непрерывного процесса, который идет без каких-либо качественных изменений, периодов и этапов. (См.: Козн С. Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года. Chaldize publications. 1986, с. 46-48.).

Сторонники «идеи непрерывности», как правило, автоматически ставят знак равенства между такими различными историческими фигурами, как Ленин и Сталин, Хрущев и Брежнев, Андропов и Черненко, Горбачев и Ельцин. В их понимании все они лишь различные персональные проявления господствующего тоталитарного режима власти. По мнению С. Козна, эта концепция слишком груба, чтобы на ее основе понять сложную и противоречивую картину советской истории, в частности, взаимоотношение власти и оппозиции, противоречий внутри правящей коммунистической партии и др.

На самом деле советская история была разной. Одно дело ленинский этап становления советского общества, другое – десятилетия господства сталинского режима власти, одно дело «оттепель», рожденная XX съездом партии, другое дело «неосталинизм» брежневского времени.

Следует заметить, что использование «концепции тоталитаризма» для объяснения советской истории не является новым и оригинальным явлением в общественной науке. Это прямое заимствование старых советологических теорий, которые давно подверглись обстоятельной научной критике в литературе. Напомню читателю, что исторически понятие «тоталитаризм» сначала употреблялось для характеристики фашистского государства в Италии. В годы «холодной» войны его стали сознательно использовать для дискредитации советского общества такие консервативно настроенные западные советологи, как Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский и др.

Что касается существа вопроса, то с моей точки зрения здесь происходит явная подмена изучаемого объекта. Дело в том, что понятие «тоталитаризм» является, прежде всего, характеристикой политического режима власти, а не социально-экономического строя общества. Он был присущ только сталинскому периоду прав-

ления, а не всей советской истории. Это, например, хорошо сознавала «левая оппозиция», выступая против сталинизма. В частности, она говорила о необходимости в СССР политической, а не социальной революции, свержения сталинизма, а не советского строя. По ее мнению, свержение сталинизма в ходе политической революции могло бы восстановить в советском обществе ленинские демократические принципы и политику Октября. Позднее фактически того же хотели и представители «правой оппозиции», выступавшие против Сталина. Что же касается тех, кто в 30-е годы умирал в застенках ГУЛАГа с именем Сталина на устах, то, как правило, это были жертвы пропаганды, отождествлявшей социализм с тоталитарным режимом сталинской власти.

Не смотря на то, что сталинский тоталитаризм своим влиянием охватывал все сферы общества, он всегда оставался лишь режимом политической власти. Повторим, его не следует сводить к социально-экономическому строю советского общества, который утвердился в результате выбора, сделанного народом России в ходе Октябрьской революции 1917-го года. Никто не мог изменить этот выбор, кроме самого народа. Сталин, крепко держась за свою власть, был вынужден считаться с этим выбором. На мой взгляд, этим объясняются его многие противоречивые действия как политика в разные периоды истории. Например, он сначала резко отрицал необходимость быстрой индустриализации, о необходимости которой говорила «левая» оппозиция, затем после ее изгнания превратился в своеобразного «сверхиндустриализатора». Он допускал серьезные «перегибы» в проведении коллективизации, затем, после волнений крестьянства на юге страны, вел с ними «принципиальную» борьбу. В том же плане следует расценивать его тотальную расправу над военными кадрами и возвращение их из ГУЛАГа в начале войны. Было много явно беспринципного и ошибочного в его политике. В частности, первоначальное неприятие фашизма и неожиданный союз с ним перед войной. Как известно, эта политика вызвала глубокий кризис в мировом левом движении, в одночасье, превратив зарубежных антифашистов в заложников этой явно несоциалистической акции.

Советскую историю, конечно, нельзя сводить к существованию одного политического режима: их было несколько, притом разных. Истина конкретна. За рамками сталинского тоталитаризма мы имеем дело с подлинной демократией, рожденной Октябрьской революцией, с противоречивой политикой «военного коммунизма», своеобразным либерализмом НЭПа, такими политическими режимами, как авторитарно-демократическое правление Н. Хрущева, авторитаризм Л. Брежнева и переход от него к демократии времен перестройки М. Горбачева.

Таким образом, многообразная действительность советской истории полностью опровергает линейную логику рассуждений сторонников тоталитарной концепции советского общества и его истории. Эта, по сути дела, идеологизированная логика времен «холодной войны» выглядит настоящим монстром в наше время. На мой

взгляд, в науке от нее следует как можно быстрее избавляться. Говоря проще, не надо идеологизировать историю.

Почему же все-таки такое идеологизирование происходит? Помимо фактора обострения современной идеологической борьбы, о которой мы уже сказали, есть еще одна причина, связанная, на мой взгляд, с непониманием природы сталинского тоталитаризма, отличающей его от других подобных режимов власти. В частности, она объясняет, почему сталинский режим имел и имеет сегодня определенную массовую поддержку. Однако прежде чем раскрыть эту «тайну», следует, вообще, разобраться в сути тоталитаризма.

Как уже отмечалось, впервые это понятие появилось в Европе, в частности, в Италии. Его широко использовал Муссолини для характеристики своего режима государственной власти. Он писал в работе «Доктрина фашизма»: «Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую. Понимаемый таким образом фашизм *тоталитарен*, и фашистское государство – синтез и объединение, включающее в себя все ценности, – объясняет, развивает и придает силу всей жизни народа». (См.: Антология мировой политической мысли в пяти томах. М., 1997. Т. 2, с. 237).

Как мы видим, Муссолини словом «тоталитаризм» характеризует всевластие государства, в котором он видит важнейший и отличительный признак фашистской доктрины, позволяющий отличить ее от социализма, либерализма, тредюнионизма и других социальных учений. И в этом он совершенно прав: либерализм минимизирует роль государства в обществе, а социализм, как и анархизм, ставит своей стратегической целью ликвидацию государства, вообще.

Напомню, что с марксистской точки зрения, государство есть признание относительной неразвитости общества, выражение непримиримости классовых отношений и всеобщего отчуждения человека. С уничтожением классовых отношений и социального отчуждения государство с необходимостью отмирает. Однако, в отличие от анархистов, отрицающих государство и политическую власть с порога, социалисты признают необходимость государства в условиях перехода к бесклассовому обществу. Что касается Сталина и его современных последователей в левом движении, то они фактически отстаивают идею вечного господства государства, что доказывает лишь одно: они ближе к политической философии Муссолини, чем к марксизму и социализму.

Исторически тоталитаризм – явление XX века. Крушение традиционной социальной стратификации и появление маргинальных и люмпенизированных масс после первой мировой войны в Германии и советской России заложило фундамент для возникновения тоталитарных режимов Гитлера и Сталина. Но если немецкий тоталитаризм стал реакцией на неспособность социал-демократических правительств орга-

низовать социальный порядок на основе буржуазной конкуренции и тяжелых последствий послевоенной эпохи, то сталинский тоталитарный режим, паразитируя на отсталости страны и усталости масс от революции и гражданской войны, прибегал к сознательному уничтожению любых проявлений социально-политической оппозиции существующей власти.

Из сказанного становится понятным, что режим тоталитарного типа в советском Союзе мог возникнуть только с приходом к власти диктатора, ибо коллективное руководство партией и государством при Ленине подобное не допускало. Окончательно он формируется в первой половине 30-х годов, когда были полностью ликвидированы элементы социалистической демократии, существовавшие после Октября 1917 года.

Первым шагом на пути становления такой диктатуры была ликвидация «левой оппозиции» во главе с Троцким. Вторым шагом - фактическое возвращение к политике «военного коммунизма» в деревне, наглядно проявившееся в насильственной коллективизации крестьянства. Как известно, негативные последствия коллективизации Сталин переложил на своих политических оппонентов. Провокация с убийством Кирова дала ему возможность расправиться с ними полностью. Это было сделано путем злонамеренной фабрикации уголовных дел и судебных процессов над всеми ближайшими соратниками Ленина. После проведения этих процессов происходит физическое устранение Каменева и Зиновьева, обвиненных в связи с Троцким, затем ликвидация «правых» во главе с Н. Бухариным. Чтобы предотвратить наметившееся недовольство политикой Сталина среди военных, - инспирируется «дело военных». В результате происходит уничтожение почти всех ведущих командиров Красной армии. Страна в итоге остается неподготовленной к надвигающейся войне.

Итак, вместо глубоко продуманного ленинского плана построения основ социализма, включавшего продуманную индустриализацию, добровольную кооперацию, осуществление всесторонней культурной революции и политической реформы в стране, утверждается тоталитарный режим власти во главе со Сталиным. Как известно, вопреки ленинскому плану Сталин варварскими методами провел индустриализацию и коллективизацию страны, ставшую настоящей трагедией для миллионов советских людей.

Какова же социальная природа сталинского тоталитаризма? На мой взгляд, *она коренится в двойственной природе бюрократии, составляющей его социальную базу. Эта двойственность во многом раскрывает «тайну» функционирования сталинского режима власти.* В частности, она объясняет многие противоречивые и непонятые явления в сталинской политике, включая, странный на первый взгляд, феномен его массовой поддержки. Поясним более подробно данное явление.

Не смотря на распространенное мнение, бюрократия не является самостоятельным классом: она выполняет (хорошо или плохо) обслуживающую социальную функ-

цию в обществе. Если у власти стоит рабочий класс, она, чтобы жить и функционировать, вынуждена считаться с его интересами, если у власти – буржуазия, то бюрократия обслуживает ее классовые интересы. Конечно, это не мешает ей иметь свои собственные интересы, которые она удовлетворяет за счет привилегий властвующей касты. В этом плане советская бюрократия была вынуждена, с одной стороны, охранять интересы трудящихся, которые взяли власть в ходе Октябрьской революции, т.е. охранять национализированную экономику, плановое хозяйство, власть Советов, с другой – подтачивать корни революции с помощью постепенного разрастания своих привилегий, усиления бюрократизма, незаконных массовых репрессий, проводимых тоталитарным режимом.

Как свидетельствуют новейшие исторические документы (в частности, опубликованные «расстрельные списки» сотен людей, которых приговорил к смерти своей подписью Сталин), не революция «пожирала собственных детей», а лично Сталин со своими ближайшими соратниками уничтожили всю так называемую ленинскую гвардию. Это они вместо постепенного сворачивания насильственной функции государства и расширения социалистической демократии создали всепроникающую машину уничтожения инакомыслящих, это они вместо научного марксистского мировоззрения создали религию коммунизма, по которой идеальное будущее нуждается в жертвоприношениях настоящего. В этом смысле Сталин справедливо заслужил звание «могильщика революции».

Почему же сталинский тоталитарный режим так долго мог существовать в СССР и почему в народе сохраняется его высокий рейтинг сегодня? Ответ на эти вопросы также вытекает из двойственной природы советской бюрократии, которая могла паразитировать на шее рабочего класса только при одном условии: если она сохраняла и защищала господство этого класса, его национализированную экономику и общественный строй, возникший в ходе Октябрьской революции. Сегодня эта функция сталинского режима власти кажется верхом справедливости на фоне современной экономической разрухи, произвола коррумпированного чиновничества и безудержной жадности олигархов, представляющих новую российскую буржуазию. Отсюда вытекает и современный высокий рейтинг личности самого Сталина, боровшегося не только с политической оппозицией, но и с разными представителями криминальной среды, включая уголовников и коррупционеров – чиновников.

Двойственную природу бюрократии и сталинского режима власти мало кто из современных исследователей и политиков понимает, хотя с ее помощью объясняется многое в советской истории, в частности, такие противоречивые действия Сталина и его окружения, как восхваление Ленина и скрытое враждебное отношение к нему и его Политическому завещанию, его защита НЭПа в 20-е гг. и фактическое возрождение политики «военного коммунизма» в ходе насильственной коллективизации, оказание помощи Испанской революции и уничтожение в этой стране многих тысяч ре-

волюционеров-интернационалистов, критика фашизма и установление тесного сотрудничества с нацистской Германией накануне Второй мировой войны и т. д., и т. п.

Сталин как персонификация советской бюрократии, как ее вождь также был вынужден одновременно защищать советский строй и деформировать его, защищать завоевания революции и извращать их социалистическую направленность. Деятельность Сталина в большинстве случаев противоречила идеалам Октября. В этом смысле было бы грубейшей ошибкой отождествлять понятия «социализм» и «сталинизм», на чем настаивают современные неосталинисты и смыкающиеся с ними неолибералы. Сталинизм – это не только извращение социализма: он его прямой антипод. По мнению философа А.П. Бутенко, сталинизм это - особо опасная форма насилия над историей, когда в жертву высокой и благородной цели – социально справедливому обществу – посредством социального волонтаризма приносятся жизни и судьбы миллионов». (См.: Бутенко А.П. Наука, политика власть. Воспоминания и раздумья. М.: 2000, с. 261).

С точки зрения идейного и политического противника Сталина Льва Троцкого, двойственный характер бюрократии и сталинизма в Советском союзе не мог проявляться бесконечно долго. Он считал, что если не произойдет полной ликвидации тоталитарного сталинского режима в ходе политической революции, то бюрократия рано или поздно разменяет свою власть на собственность, превратившись в тривиальную буржуазию. В этой связи он очень точно и подробно нарисовал картину таких возможных изменений. Позднее она полностью совпала с теми событиями, которые произошли в нашей стране в 90-е годы. Так, Троцкий писал: «Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию». (См.: Троцкий Л.Д. Классовая природа советского государства. 1 октября 1932 года. // Бюллетень оппозиции. 1933. Октябрь. №36-37).

Вместе с тем, непонимание двойственной природы сталинского режима присуще сегодня многим идеологам правого и левого толка. Так, либерально настроенные идеологи утверждают, что сталинизм мало чем отличается от гитлеризма. Некоторые из них даже утверждают, что «фашистская Россия» была бы «гораздо лучше» советской. (Цит. по: Стивен Козн. Почему распался Советский Союз? // Свободная мысль, №3, 2008, с. 186). Конечно, с формальной стороны эти два тоталитарных режима похожи друг на друга. Не случайно Риббентроп, побывавший в СССР накануне войны, говорил о том, что он в Москве попал в родственную компанию политиков. Мало чем отличаются и политические действия этих режимов. И там, и там были отказ от демократии и узурпация власти одним человеком, и там, и там существовали концлагеря и их многочисленные жертвы, и там, и там был оболванивающий многих культ личности вождя.

В то же время, при более глубоком сравнении этих режимов возникают вопросы:

почему, например, эти два режима вели войну друг с другом? Почему демократические государства в конечном итоге выступили на стороне СССР, воевавшего против фашистской Германии, предпочтя в трудную минуту иметь дело со Сталиным, а не с Гитлером? Наконец, почему даже наиболее последовательные антисталинисты в лице троцкистов и их главного лидера Троцкого выступили за защиту СССР в возможной войне с фашистской Германией? Думаю, что ответы на эти вопросы дают возможность всесторонне понять сущность сталинизма и тем самым прийти к объективному суждению об этом политическом режиме.

Следует учитывать, что сталинский тоталитаризм вырос и паразитировал на базе завоеваний Октябрьской революции, давшей впервые в истории государственную власть трудовому народу. Сталин, узурпировавший эту власть, был вынужден защищать советское государство против его внешних врагов. Вот откуда его массовая поддержка со стороны многих людей, сохраняющаяся до сих пор. Что касается гитлеровского режима тоталитарной власти, то он возник из стремлений финансовой буржуазии Германии к мировому господству, и эту потребность он последовательно обслуживал своей агрессивной внешней политикой.

Думаю, что столкновение двух видов тоталитаризма (сталинского и гитлеровского) во время Второй мировой войны было обусловлено прежде всего противоположностью социально-классовой природы того общественного строя, который они обслуживали. Можно согласиться с выводом Александра Зиновьева, считавшего, что Вторая мировая война в итоге «переросла в войну социальную» и «коммунизм вышел победителем из нее». (См.: А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. М.: 2000, с. 230).

Социально-классовая противоположность режимов Гитлера и Сталина во многом объясняет факты поощрения агрессивных действий Гитлера со стороны западных демократий в начале мировой войны и открытие второго фронта против фашистской Германии на ее исходе. Поддержка СССР в войне с Германией стала возможной для западных демократий лишь тогда, когда они почувствовали угрозу собственному существованию со стороны гитлеровского фашизма. Сталинский режим, перешедший к тому времени от интернациональной к национал-державной политике, был в этой войне для Запада меньшим злом, чем гитлеризм, равнявшийся к мировому господству и требовавший покончить с «гнилой демократией» западных государств. Учитывал Запад и то, что Сталин в отличие от Гитлера не был расистом, он все-таки не сжигал в печах миллионы людей, не набивал волосами своих жертв спальные матрасы и не выделял из кожи заключенных абажуры. (См.: в этой связи изданные материалы Нюрнбергского процесса).

Что касается таких последовательных противников сталинизма, как троцкисты, то их защита СССР в этой войне обуславливалась не их компромиссом со Сталиным, а стремлением защитить основы того строя, которые были заложены Октябрьской

революцией. Для них Сталин, защищавший СССР был социально ближе, чем Гитлер и нацизм, стремящиеся одержать победу в войне не только над советским государством, но и полностью покончить с большевизмом и коммунизмом. Не смотря на то, что Сталин называл Троцкого «агентом фашизма» в рабочем движении, последний требовал от всех прогрессивных сил защищать Советский союз от возможного нападения на него Гитлера. Он пояснял свою точку зрения тем, что в этой войне прогрессивные силы будут защищать не тоталитарный режим Сталина, а те социально-экономические «основы СССР», которые были заложены Октябрем 1917 года. (См.: Троцкий Л.Д. В защиту марксизма. Iskra Research. Cambridge, MA, USA, 1997. С. 33-93).

Вместе с тем, совершенно очевидно тождество таких понятий как «сталинизм» и «тоталитаризм». Подрывая демократические и социалистические основы советского общества, сталинский тоталитаризм стал причиной деформации не только советского государства, но и самой идеи социализма. Имеющаяся сегодня аллергия у многих людей на социализм - это во многом следствие сталинизма, который нанес глубокую и до сих пор кровоточащую рану всему левому движению.

Сталинский режим политической власти физически и морально уничтожал лучших представителей всех слоев советского общества, выдающихся руководителей партии и государства, талантливых ученых и представителей культуры. По данным доклада комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК, только за 1935–1940 годы за «антисоветскую деятельность» было арестовано 1.980.635 человек, из них расстреляно 688.503. Соответственно за 1937–1938 годы арестовано 1.548.366 и расстреляно 681.692. (См.: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. М.: МФД, 2000, с. 317). В итоге был уничтожен весь тонкий слой революционеров, о которых в свое время Ленин говорил, что для них правдивость и честность были естественными человеческими качествами.

Истина в отличие от мифа всегда конкретна. Если мы ищем причины, породившие сталинизм и Большой террор, то нужно прямо сказать - они являются плодом не революции, а контрреволюции, осуществленной Сталиным и его подручными на рубеже 30-х гг. прошлого века. Большой террор есть прямое отрицание идеалов Октябрьской революции. Часто говорят: «Революция пожирает своих детей». Но у нас не революция пожирала своих детей, а контрреволюция, политический переворот, осуществленный Сталиным и его командой. Сталин – не интернационалист, Сталин – не революционер в точном смысле этих слов. И когда пытаются отождествлять Сталина со всей плеядой революционеров ленинской школы, происходит фальсификация истории.

Фальсифицируется история и тогда, когда пытаются доказать неизбежность или необходимость в ней тоталитарного сталинского режима. В частности, утверждается идея о том, что любой политик на месте Сталина был бы таким же диктатором. Я не

могу согласиться с этой фаталистической точкой зрения. Сталинский тоталитаризм – это, прежде всего крайне репрессивный режим, выступающий против любой политической оппозиции, будь то правые, или левые. Он действовал, как правило, по логике физического уничтожения своих классовых противников, а не по марксистской логике ликвидации классовых противоречий путем преобразования экономических условий их существования. Как известно, марксизм допускает физическое уничтожение представителей буржуазии лишь в особых случаях: при их активном вооруженном сопротивлении рабочему классу, а не потому, что они принадлежат другому классу. Сталинский режим, напротив, абсолютизировал логику классового насилия, перенося ее из периода гражданской войны в мирное время. Именно это было сделано в нашей стране, когда Сталин, провозгласив идею обострения классовых противоречий по мере продвижения к социализму, стал проводить политику чрезвычайщины и насилия в сугубо мирное время.

На самом деле, классовая борьба не сводится только к насилию и, тем более к физическому насилию. Существует масса различных форм государственного принуждения, не требующих физического истребления людей. Если бы у власти вместо Сталина и его окружения были люди ленинского склада, я уверен, они бы не допустили тех ужасов ГУЛАГа, которые были инициированы режимом Сталина. Никакой фатальной закономерности утверждения тоталитаризма в истории нашей страны не было. Он был закономерным следствием прямого отхода руководства правящей партии от марксизма, отказа от демократических и подлинно революционных традиций в управлении обществом. Объективные условия, связанные с исторической отсталостью нашей страны и усталостью масс от войны и революции, конечно, сыграли свою роль в появлении сталинизма, но их не следует абсолютизировать, тем более они не могут его оправдывать.

Несколько слов о соотношении понятий «сталинизм» и «Сталин». Эти понятия родственные, но не тождественные. Что касается первого понятия, то, как я уже говорил, оно характеризует тоталитарный режим власти, который создали Сталин и его команда. Что касается понятия «Сталин», то оно относится к конкретно-исторической личности, которая правила в СССР почти тридцать лет. Хотя этого или нет противники Сталина, но он вошел в историю советского государства и вычеркнуть его из нее невозможно. Поэтому необходимо объективно рассматривать его роль в этой истории.

Как известно, многие люди до сих пор продолжают считать Сталина «великим политиком», другие прямо называют его «исчадием ада». На мой взгляд, противоречивая личность Сталина должна оцениваться «по ее плодам», т.е. по результатам ее конкретной деятельности. Конечно, Сталин был тираном, может быть, самым большим тираном в истории человечества; тем не менее, нельзя исключать, что в отдельных случаях его деятельность могла иметь положительные результаты. Так,

позитивной акцией во время войны было освобождение Сталиным из застенков ГУЛАГа многих военных специалистов. (Правда, посажены они были в концлагеря тоже с его санкции.) Рассказывали мне и такой случай: в военное время один звонок Сталина на машиностроительный завод с просьбой значительно увеличить выпуск танков повышал производительность труда рабочих и инженеров в несколько раз. Понятно, что такой звонок объективно выполнял прогрессивную роль, хотя в нем был и элемент страха перед властью. Ясно и то, что в подобных случаях Сталин вел политику, прямо противоположную «сталинизму», который сыграл сугубо отрицательную роль в советской истории.

Особенно неприемлемо отождествление сталинизма с победой Советского Союза в Великой отечественной войне. Эта победа была одержана не благодаря, а вопреки тоталитарному сталинскому режиму власти. Она есть следствие поистине великого подвига советского народа, отдавшего за победу над фашизмом десятки миллионов человеческих жизней. Без этих жертв немыслима не только освобождение Советского Союза, но и всей Европы от «коричневой чумы» XX века.

Не смотря на тотальный и длительный характер сталинского режима власти, он все-таки не сумел переделать в своем духе всех советских людей. Это хорошо прослеживается на его исторической судьбе. Взяв в свое время вверх над демократической ленинской традицией, он был вынужден, в конце концов, сойти с исторической сцены. Чтобы двигаться вперед, советской стране нужно было вобрать в себя плоды начавшейся в мире научно-технической революции, размагнитить и освободить головы людей от прежних идеологических догм, осуществить на деле демократизацию общества, но созданный Сталиным тоталитарный режим власти этому всячески препятствовали. Отсюда и возникла историческая необходимость в XX съезде партии, который нанес по этому режиму сокрушительный удар. Его остатки, ожившие в годы «застоя», полностью ликвидировала перестройка.

В этой связи, следует согласиться с общей исторической оценкой сталинизма, которую дал председатель Совета Федерации и лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов. Он говорил: «Кто, как не наша страна, наш народ более всех терпел от жестокостей сталинского режима. И откуда, как не из Москвы мир впервые достоверно узнал о преступлениях сталинизма. Да, десталинизация шла непоследовательно и противоречиво. Но всей своей историей последнего полувека наша страна отвергала и отвергает теорию и практику сталинизма, политики, которую никак нельзя признать органичной для нашего народа, для нашего государства. Недаром демонтаж порядков, навязанных стране Сталиным, начался практически сразу после смерти тирана. Мы сами вынесли свои приговоры и нацизму, и сталинизму». (См.: материалы агентства ИТАР-ТАСС от 6 июля 2009 г.).
